

О, ЯПОНИЯ!

Все началось как-то незаметно. Еще студенткой я очень любила гравюры старых японских мастеров. Могла и могу сейчас часами сидеть и рассматривать репродукции. Но кроме японцев я еще любила и люблю Ван Гога, и Рембрандта, и Петрова-Водкина, и Ци Бай Ши, и Матисса, и... многих-многих. И тоже часами могу их рассматривать... Так что вряд ли тут дело в этом.

Кинотеатры тогда я посещала редко.

В тот период у меня появилось обостренное чувство бытия. Мне нравилось медитировать, молча бродить по улицам, под открытым небом. Все казалось таким потрясающе живым, насыщенным, полным космической вибрации. А просидеть в темном зале кинотеатра пару часов, уставившись на экран, с которого в тебя запикивают чей-то вымысел, а иногда и чью-то «рвоту мозгов», мне казалось невыносимым. Реальность была настолько интереснее, полноценнее, подлиннее. Зачем смотреть какие-то фильмы?

В прокате появился японский фильм «Гонза- копыеносец», вероятнее всего, наш кинопрокат, как всегда, дал фильму свое название. Как называется оригинал я не знаю. И я решила сделать исключение и сходить в кино.

На рекламных фотографиях были кимоно, самураи, улицы старинного города, сцены из японской жизни 17-18 века. Все выглядело таким достоверным.

Мне плевать было на сюжет, я хотела японской культуры, искусства, деталей быта.

Конечно, это жертва просидеть в темноте, будучи отрезанной от жизни, неба, солнца, но ...раз в полгода, можно.

В зале погас свет. Я подавила в себе возникшее чувство удушья, протеста и легкого отвращения оттого, что «отрезана от всего живого» в «черной коробке». Сосед рядом что-то грыз и довольно громко, периодически шебурша упаковкой. «Утонуть» и забыться в том, что после титров будут показывать на экране, вряд ли получится: сосед –грызун своим громким потреблением джанка, вернет меня обратно.

Стала молча злиться на себя, «на фига я над собой делаю эти эксперименты!?» Но уйти не хватило духу, заинтригованность фильмом –удерживала.

И вот на экране стало разворачиваться действие.

Не ожидая ничего особенного от сюжета, я любовалась одеждой актеров, японскими интерьерами и ширмами.

Я не сразу обратила внимание на то, что мне что-то мешает...

Что-то мешает быть отстраненным наблюдателем-эстетом, «ценителем японской красоты».

Это «что-то», было мое сердце.

Оно учащенно билось, иногда его бешенные удары, казалось, не совпадали с дыханием и в теле возникало напряжение. Появлялась вибрация, от которой было тесно внутри и появилось желание встать и энергично сделать несколько приседаний.

Но голова оставалась трезвой и с иронией я себя сказала, «кажется любовь к ассиметрии в японской композиции, тебе вылезает боком».

Но при виде старого Киото, его домов, улочек, рикш, мое сердце бешено билось.

И не просто билось, оно «плакало»! И рвалось «туда», вызывая напряжение в мышцах и легкую дрожь, с жадностью впиваясь в каждый кадр.

Весь ужас был оттого, что я узнавала все эти улочки!

Более того, я знала, как нужно правильно закалывать волосы шпилькой, еще до того, как героиня на экране это проделала! У меня в пальцах появлялось, до боли знакомое, ощущение тугого шелка волос, когда героиня, сидя перед зеркалом расчесывала их.

Я знала, как подать чашку чая, как нужно поклониться!

Я перестала следить за сюжетом. Просто не могла.

Невыносимо - острое чувство ностальгии и любви ко всему что я видела на экране сразило меня.

Внутри меня назревал плач.

Этот плач комом застрял в горле.

Когда я попыталась глубоко вздохнуть, чтобы освободиться от наваждения, получился всхлип. Глаза были мокрые.

Я как-то, на время забыла о жующем соседе, но сейчас я хотела, чтобы он грыз и не замечал, что рядом с ним сидит сумасшедшая.

«Боже, как я скучаю по всему этому! Я все там знаю. Как я хочу обратно в ту жизнь! Как я люблю все это! Я хочу домой!»

Сдерживание дурацкого плача, который сильными спазмами атаковал горло, приводило к легкой головной боли и головокружению. Казалось, что от этих усилий голова распухла. Но заплакать пыталась не я, а кто-то другой, неожиданно проснувшийся во мне.

Я с ужасом подумала, как я справлюсь со всем этим, когда в зале зажгут свет. Ну то что красные и мокрые глаза, еще куда ни шло, кажется, это был фильм-драма.

Но что делать, если все-таки меня прорвет и я, как идиотка, разрыдаюсь?

«Тебе будет стыдно»- ответила трезвая моя голова.

Это раздвоение на «голову и «сердце» я никогда так ярко не испытывала.

Смахивало на шизофрению.

Голова все это наблюдала, анализировала, старалась не дать этим, выплывшим из подсознания воспоминаниям выйти из-под контроля.

Голова была «здесь», а то, что можно назвать «душой», улетело в старинную Японию,

одевшись в атлас кимоно, блуждая по когда-то любимым закоулкам, прикасаясь голодными пальцами к тени прошлого.

Голова не сдавалась: «Этого не может быть! Ты что рехнулась? Ну хватит уже!

Любительница японских картинок! Долюбилась! Что за дурацкие эмоции?»

И душа соглашалась и проглатывала очередной спазм в горле.

Но вернуться «оттуда» не получалось.

Я постаралась сфокусироваться на истории, происходящей на экране.

Японский мальчик, лет десяти, на экране выполняет чайную церемонию.

Я никогда не видела прежде чайной церемонии с мельчайшими подробностями.

Я о ней знала, читала. Но это все.

И вот сейчас этот мальчик, с серьезным лицом, ритмичными движениями демонстрирует мне это таинство.

Он особым жестом, тканью особым образом сложенной, протирает чашечки...

Внутри меня голос заметил: «Этот фрагмент церемонии он делает не совсем четко,

но он еще так молод, научится...»

Я остолбенела.

Это уж было слишком! Слишком было то, что я в тот момент действительно знала, как нужно это делать правильно, идеально. Откуда?

Моя трезвая голова не нашла что ответить.

Не помню, как я добралась домой.

Чувство ностальгии и потерянности не проходило. Окружающий мир стал казаться чужим и холодным.

Странно было наблюдать, как моя, казалось бы, пустая физическая оболочка бродит среди безликих серых, совершенно одинаковых многоэтажек нового района, где я жила.

Ощущение было такое, будто часть меня сбежала через полотно киноэкрана, как через Портал, в старый Киото и там осталась. А убежав, она прихватила с собой все краски, оставив для меня черно-белый мир, черно-белое кино.

После этого прошла неделя. Я старалась не особенно ковыряться в том, что произошло в кинотеатре. Мой ум от этого заклинивало.

Я, разумеется, читала о прошлых жизнях. И понимала что так бывает.

Но это было не понимание, это было реальное переживание каких-то старых, застрявших во мне эмоций, ощущений, другой жизни, другой личности, другого мировосприятия и мира. Все это ощущалось намного реальнее того, что было вокруг. Там что-то очень дорогое мне осталось, было потеряно. Туда не было возврата. Принять это было трудно и больно. Это отнимало и без того, хилую радость присутствия в окружающей действительности.

Выбравшись как-то в город за покупками, я увидела плакат выставки то-ли японского, то-ли китайского каллиграфа. Выставка проходила в киевском Доме Союза Художников.

На следующий день я уже стояла в выставочном зале перед длинным узким листом рисовой бумаги, всосавшим в себя иероглифы.

Стала рассматривать изысканное, полное динамики письмо.

В каждом иероглифе была крылатость, легкость и законченность. Музыка.

Я слушала эту музыку, переводя взгляд от одного знака к другому, как-будто это были ноты. Я хотела было перейти к следующему свитку, но мое тело не тронулось с места.

Я повиновалась. Еще раз пробежала глазами эту «партитуру», начиная сверху.

И по мере того, как я вела взглядом по линиям каждого иероглифа, у меня неконтролируемо менялось дыхание. Моя рука, согнутая в локте, двигалась от плеча, мысленно прорисовывая каждый знак. Тело знало как нужно легко и плавно выдохнуть через рот чтобы провести вертикальную линию, убывающую вниз.

Как и когда нужно вдохнуть чтобы линия была летящей и как округлив рот резко и кратко выдохнуть, чтобы поставить точку.

Я как-то отстранилась, наблюдая за манипуляциями моего тела, вернее, подсознания.

«Прописав» весь лист до самого низу, прочувствовав и пережив каждую черточку и точку, я ощутила усталость и опустошенность. Возможно, так чувствует себя маэстро, выложившийся полностью в шедевре.

После этого сотворчества у меня больше не было сил и любопытства рассматривать другие свитки.

Вопроса «откуда во мне это»? -не возникало. Просто знала, что когда-то я умела так писать.

Я побрела в мою киевскую квартиру.

1986 Киев